

Стройность, изящество оборотов поэтического языка в гораццианских одах Капниста во многом превосходит поэзию Батюшкова, а иногда и Пушкина:

Доволен малым — жизнь и лиру
Любви и дружбе посвящу.

(«Певцу Фелицы», стр. 203).

Или:

Теперь-то, сидя у камина,
Мороз забыть ты нас заставь;
По старшинству их лет и чина,
Вели подать венгерски вина;
А прочее богам оставь.

(«Другу моему», стр. 189).

И наконец:

Все мы так как тень пройдем;
А наследник наш богатый,
Цельным капским тароватый,
Век не тронутым вином;
Закутя пиры и балы,
Через край нальет бокалы.

(«Время», стр. 193—194).

Как известно, предпоследняя строка крепко запомнилась Пушкину и в слегка измененном виде попала в «Пир во время чумы»:

И заварив пиры и балы
Восславим царствие чумы.

Легкость и стройность, гибкость и красота поэтического языка гораццианских од Капниста были подчинены одной цели — созданию психологически-убедительного и привлекательного в своей непосредственности образа поэта.

Уже современники видели, что гораццианство Капниста лишь средство к созданию собственной поэтической манеры и собственного своеобразного поэтического облика. П. А. Плетнев писал в 1824 году: «Капнист не хотел остаться только переводчиком. Он главные чувства Горация облекал в свои формы, наводил на них свои краски и оживлял их национальной местностью. Его искусство произвело такое очарование, что мы, читая оды его, забываем оригинал, и в подражании видим что-то собственное».²²

Позднейшие исследования подтвердили правоту этих утверждений Плетнева. А. А. Веселовский²³ показал, что Капнист

²² П. А. Плетнев. Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах. Сочинения и переписка, т. 1, СПб., 1885, стр. 166.

²³ А. А. Веселовский. Капнист и Гораций. «Известия ОРЯС», т. XV, кн. 1, СПб., 1910, стр. 227—231.